

С.В. Теленев

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ КОМАНДОВАНИЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И *DOMUS AUGUSTA*

Статья посвящена проблеме провинциального командования в период принципата. В статье показана роль иерархизации империя, ставшей средством обеспечения политического режима принципата. Данная система основывалась на несовпадении уровней империя, которым наделялись различные категории наместников, а также члены императорской фамилии. Рассматриваются механизмы контроля наместников со стороны представителей принцепса и его порученцев, как правило родственников, находившихся под его патриархальной властью. Делается вывод о том, что принцепсы и подначальные им члены фамилии использовали сложившееся в это время несовпадение уровней империя для обеспечения за правящей династией всей полноты провинциального командования, которое может рассматриваться как в определенной мере иерархическое.

Принципат, принцепс, империя, провинция, наместник, командование.

Политический режим ранней Римской империи, традиционно определяемый как принципат, отмечен институционализацией особого положения принцепса и его семьи (*domus Augusta*) в системе государственной власти и военного командования. Последнее было главным ресурсом политического авторитета уже в период поздней Республики (Cic. *Ad fam.* XV. 2. 8; XV. 5; XV. 6; *Ad Att.* V. 20.1; *De off.* I. 116; 121; *Pro Murena* 19–34). Внучатый племянник Юлия Цезаря, император Август, смог по итогам гражданских войн оформить данное положение посредством новой системы управления как Римом, так и провинциями. Именно в них стояли легионы, командование которыми, соответственно, было теперь главным ресурсом власти и авторитета самого принцепса и его фамилии. Занятие традиционных постов, предполагавших империй, представителями семьи императора создавало иллюзию сохранения республиканского устройства. Однако сам принцепс, его сыновья, внуки, племянники и т.д. имели фактическое преимущество в получении магистратур, что стало выражением той системы, которую Я.Ю. Межеричкий определяет как «республиканская монархия» [1, с. 120].

Изучение провинциального командования в связи с вопросом о кризисе Римской республики и генезисе принципата в последнее десятилетие развивается довольно успешно. Однако начало процессу было положено монографией Альберто Джованнини, вышедшей еще в 1983 г. [2]. Существенно позже, в 2014 г., Фредерик Верват развил некоторые идеи Джованнини, в частности идею о возникновении иерархии империя в связи с задачей обеспечения провинциального командования [3]. В полемику с Верватом вступил Фрэнсис Дрогула, который убедительно показал, что вплоть до эпохи Августа империй у всех категорий магистратов был одинаковым и предполагал одинаковые полномочия в рамках отведенной провинции [4]*. Такой ас-

пект проблемы, как характер взаимодействия между императорской властью и наместниками проконсульского ранга, всесторонне раскрыл Фредерик Урле [5]. Более широко проблемой наместнических полномочий в условиях империи занимается Павел Савинский [6; 7]. Среди отечественных историков ощутимый вклад в разработку данной темы внес безвременно ушедший от нас Александр Леонидович Смышляев. Среди его работ на тему провинциального наместничества, пожалуй, наиболее важной является статья о властных полномочиях римского наместника по отношению к городским общинам [8]. В целом можно констатировать, что тема исследована еще далеко не полностью и вопрос о характере и месте провинциального командования в системе принципата окончательно не решен.

Принципат Августа внес важные изменения в систему управления провинциями. Наиболее существенным признаком этого процесса было разделение в 27 г. до н.э. римских провинций на императорские (*provinciae Caesaris*) и сенатские (*provinciae publicae* или *populi Romani*) [3, р. 254; 9, S. 39]. В последние наместники продолжали назначаться сенатом в соответствии с прежними республиканскими установлениями. Императорские провинции считались переданными под непосредственное управление Августа, но фактически управлялись его назначенцами, действовавшими более или менее автономно. В результате разделения образовались две категории наместников, избираемых по совершенно разным процедурам и на разный срок.

Наместниками в провинциях, считавшихся переданными сенатом и римским народом Августу, были его легаты (Dio LIII. 13 5; *ILS* 918; 938; 942; AE 1930. 70). Они назначались принцепсом из числа сенаторов, имевших опыт пребывания на годичной (как правило) высшей выборной должности, то есть прошедших в ходе своего *cursus honorum* претуру или консулат. Интересно, что независимо от того, какую из этих двух должностей такие императорские наместники

* См. также нашу рецензию: Вестник древней истории. – 2019. – Т. 79 (№ 4). – С. 1046–1051.

занимали в прошлом, они назывались одинаково – *legatus Augusti pro praetor*, т.е. «представитель императора в ранге пропретора». При своем назначении каждый из них получал от принцепса определенные директивы на предмет функций, которые легат должен был выполнять от имени императора. Визуально атрибуты их власти включали военное облачение, меч и эскорт из пяти ликторов. Срок их полномочий строго зависел от воли императора, но чаще всего все-таки превышал один год (Dio LIII. 13. 5–8) (см.: [9, S. 42–43; 10, p. 157–158]).

Несмотря на то, что де-юре все легаты Августы имели одинаковый статус, только бывшие консулы назначались наместниками в провинции, где были размещены значительные военные силы. В эту категорию входили в первую очередь такие провинции, как Верхняя Германия, Нижняя Германия и Сирия. В каждой из этих императорских провинций было по четыре легиона. Следом шли по своей значимости провинции Тарраконская Испания и Паннония, в каждой из которых было по три легиона. Между тем бывшим преторам были доверены провинции, в которых не было легионов, где можно было размещать только небольшие отряды, предназначенные для поддержания внутреннего порядка. В эту группу входили среди прочих Лузитания, Аквитания и Галатия [11, S. 38].

Определение точного характера империя (полномочий, необходимых у римлян для осуществления военного командования) этих легатов сталкивается с некоторыми проблемами, поскольку в источниках нет однозначной информации по данному вопросу. Их официальное именование подразумевает, что независимо от того, имелся ли у того или иного наместника опыт претуры или консулата, в качестве имперских легатов он обладал лишь *imperium pro praetore*. Таким образом, де-юре такие легаты имели одинаковый ранг, а их империй был меньшим по отношению к проконсульскому империи Августа [12, p. 145]. То есть нет никаких сомнений в том, что ни один из легатов Августов не обладал независимым империем, который давал бы ему право аккламации императором, разумеется, в старореспубликанском смысле этого титула. По этой же причине он не мог получить триумф или овацию (малый триумф) в случае военной победы, одержанной под его командой. Триумфальные знаки отличия (*orma triumphalia*), назначавшиеся сенатом на основании инициативы принцепса, были вершиной того, чего могли достичь наместники императорских провинций [3, p. 254; 13, S. 161; 14, p. 56].

Существовал также особый разряд наместников императорских провинций – прокураторы, назначавшиеся принцепсом из числа всадников. Прокураторы отбирались непосредственно императором, им поручались области, в которых находились лишь небольшие военные силы, обычно вспомогательные. Примерами являются Реция, Норик, Иудея. Тем не менее положение Египта, важнейшей императорской провинции, полностью изъятой из-под контроля сената, в этом смысле было особым. Там размещались два легиона, а провинцией управлял наместник, именовавшийся префектом (*praefectus*) (Dio LIII. 13. 2; Tac. *Hist.* I. 11). Но даже последний действовал лишь как

личный представитель императора [15, S. 134, 413–415].

Что касается сенатских провинций (*provinciae publicae*), то после 27 г. до н.э. сенат официально сохранил за собой полномочия по назначению наместников в Азию, Африку, Бетику, Нарбонскую Галлию (с 20 г. до н.э.), Сицилию, Сардинию и Корсику (последняя стала чуть позже императорской провинцией), Иллирик (также стал императорским после 11 г. до н.э.: Dio LIV. 34. 5), Македонию, Ахайю, Крит и Киренаику, Вифинию и Понт [15, S. 38; 16, p. 19–22]. Как и в случае императорских легатов, наместниками этих сенатских провинций становились бывшие преторы и бывшие консулы, но независимо от того, какую из этих двух должностей они занимали, все они теперь обладали проконсульским рангом (Strabo XVII. 3. 25; Dio LIII. 12. 2–9; 13. 3–4; *ILS* 915; 916; 918; 950). В отличие от легатов принцепса, они избирались в сенате по жребию, и срок их полномочий не должен был превышать один год. При этом они не должны были носить знаки военной власти. В отличие от императорских наместников, количество ликторов в их эскорте зависело от того, был это пропретор или проконсул. Бывшим консулам было назначено двенадцать ликторов, а бывшим преторам – шесть (Dio LIII. 13. 2–4) (см. также: [9, S. 40–41; 10, p. 157]). Формально они подчинялись сенату, который давал им указания, но в некоторых случаях они получали указания и от императора (Dio LIII. 15. 4) [3, p. 255; 10, p. 164–165]. Говоря о мотивах, которыми руководствовался Август, когда вводил данное положение, М.И. Ростовцев пишет: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только к новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [17, с. 54].

Основываясь на титулатуре и свидетельствах Тацита, мы можем предположить, что наместники сенатских провинций обладали проконсульским империем независимо от того, какую должность они занимали ранее (Tac. *Ann.* I. 76 – проконсул Македонии и Ахайи; Tac. *Ann.* III. 58 – проконсул Азии; Tac. *Ann.* XII. 59; XIII. 52 – проконсул Африки). Таким образом, формально положение всех этих проконсулов было одинаковым. Однако только бывшие консулы удостоивались быть наместниками в важных провинциях, таких как Африка или Азия, тогда как другими сенатскими провинциями управляли бывшие преторы. Империй сенатских проконсулов мог осуществляться только в пределах закрепленной за ними провинции [14, p. 68, примеч. 81]. Подавляющее большинство проконсулов управляло мирными провинциями, в которых не было войск, так что их империй использовался по большей части для отправления прежде всего судебной и административной власти. Единственным исключением мог быть проконсул Африки, у которого, кроме судебных административных обязанностей, были и военные, так как в Африке стоял один легион (III-й Августов), а на границах этой провинции периодически велись довольно кровопролитные войны (Tac. *Ann.* II. 52; III. 21; 74; *ILS* 939).

С 19 г. до н.э. проконсулы больше не обладали независимым империем и поэтому не могли претен-

довать на триумф. Если же кто-то из них добивался успехов в качестве военачальника, то ему теперь могли быть назначены лишь триумфальные украшения. Подобная честь в основном доставалась проконсулам Африки, поскольку из сенатских наместников только они иногда руководили крупными военными кампаниями и только им была доступна полководческая слава. В частности, *Ornamenta triumphalia* за кампании в Африке были награждены Луций Пассиен Руф, Косс Корнелий Лентул и Юний Блез (Vell. Pat. II. 116. 2; 125. 5; Tac. Ann. III. 72). Уже в 39 г. н.э. III-й Августов легион был выведен из Африки, так как Калигула не доверял вновь назначенному наместнику, представителю знаменитого республиканского рода Кальпурнию Пизону (Dio LIX. 20. 7).

Однако система принципата не была бы «республиканской монархией», если бы над республиканскими институтами не стояла постепенно институционализировавшаяся в качестве носителя государственной власти фамилия императора. Все члены правящего клана, действующие в императорских провинциях, имели *imperium pro consulare*, что ставило их выше императорских наместников, которые, как легаты Августа, имели лишь пропреторский империй. Наши источники ясно отражают эту иерархию и показывают, что всякий раз, когда член *domus Augusta* действовал в императорской провинции, наместник обязан был подчиняться его приказам. Так, Веллей Патеркул сообщает, что во время кампании Тиберия в Германии в 4–6 гг. тот отдавал приказы Сентию Сатурнину, являвшемуся *legatus Augusti pro praetore* данной провинции (Vell. Pat. II. 105. 1; 109. 5; 110. 2). Историк также сообщает, что Август переместил двух своих легатов, Авла Цецину и Плавтия Сильвана, из восточных провинций в Паннонию, где они должны были поступить в подчинение пасынка императора, т.е. Тиберия, руководившего здесь в 6–9 гг. н.э. действиями против восставших племен (Vell. Pat. II. 112. 4; 113. 1–2). Известно также, что во время рейнских походов Германика, племянника Тиберия, ставшего к тому времени императором, под его началом служили легаты Августиев Верхней и Нижней Германии, Гай Силий и Авл Цецина (Tac. Ann. I. 31).

Однако известны также случаи, когда императорский легат демонстрировал нежелание подчиняться члену *domus Augusta*. Наиболее ярким случаем является поведение Гнея Кальпурния Пизона во время миссии Германика на Восток. Между 17 и 19 гг. н.э. Пизон был *legatus Augusti pro praetore* в Сирии [18, р. 32–44]. Из источников мы знаем, что во время своего наместничества он игнорировал приказы Германика о развертывании легионов, стоявших в Сирии, и отменил указы Германика относительно некоторых городов провинции. Он также якобы пытался спровоцировать войну в Армении и Парфии, а также подстрекал свергнутого парфянского царя Вонона к попытке занять трон Армении, что, возможно, способствовало серьезным волнениям в регионе (Tac. Ann. II. 57; 69) (см. также: [19, р. 124]). Поскольку Пизон был легатом Августа и был назначен к Германику в качестве *adiutor*, т.е. подначального должностного лица, эти действия были явным неповиновением члену императорской фамилии. А так как Германик действовал

на Востоке как прямой представитель принцепса, обладавшего чрезвычайным империем, действия Пизона были квалифицированы как оскорбление достоинства *domus Augusta* и пренебрежение публичным правом (Tac. Ann. III. 12). Против Пизона были выдвинуты обвинения (Tac. Ann. III. 15) (см.: [19–24]). Поведение Пизона, проявившего избыточную для легата самостоятельность в его противостоянии с Германиком, вполне согласуется с высказываемой А.Л. Смышляевым мыслью о сохранении наместниками периода ранней Римской империи самосознания аристократии времен Республики [8, с. 68, 71].

Иначе обстояло дело, когда члены императорской фамилии вступали в сенатские провинции, правители которых имели проконсульский империй. В этом случае империй представителя *domus Augusta* должен был восприниматься как более полный по сравнению с властью проконсулов, что должно было предотвратить потенциальный конфликт властей. В этом отношении показательны случаи Агриппы и Германика, поскольку они оба имели такие прерогативы во время своих миссий на Восток, где в некоторых провинциях были наместники проконсульского ранга [7, р. 38].

Наиболее важные различия, которые обнаруживаются при сравнении статуса членов *domus Augusta* с положением наместников провинций, касаются территориального аспекта их полномочий, способа предоставления империя и критериев, на основании которых он был предоставлен. В то время как империй наместника распространялся только на его конкретную провинцию, империй членов *domus Augusta* (Агриппы, например, его сына Гая Цезаря, Германика или Друза Младшего) распространялся на гораздо большую территорию. Обстоятельность, при которых получали империй наместники провинций и члены императорской фамилии, фактически стоявшие над первыми, также различались. Для наместников, не являвшихся членами императорской фамилии, империй проистекал из назначения на должность проконсула или императорского легата в соответствующую провинцию, для членов же *domus Augusta* это следовало из специального декрета сената, инициировавшегося принцепсом, очевидно, по его собственному усмотрению (Tac. Ann. I. 14; II. 43). Разумеется, рекомендации доверенных лиц императора здесь играли важную роль. От такого рода покровительства в карьерных делах, пожалуй, зависело больше, чем от деловых качеств соискателя [25, с. 330]. При этом некоторым членам императорской семьи не нужно было подниматься по всем ступеням *cursus honorum*, чтобы получить проконсульский империй. Карьера Гая Цезаря и Германика представляет собой наиболее впечатляющие примеры, поскольку им обоим были предоставлены проконсульские полномочия, хотя до того они не прошли ни консулата, ни претуры (Dio LI. 6. 4; LV. 9. 9; 10. 6; 17; 20; Tac. Ann. I. 3; Vell. Pat. II. 101. 1. – о Гае Цезаре; Dio LV. 31. 1; Tac. Ann. I. 14 – о Германике).

Таким образом, независимо от того, был ли империй одноуровневым (одинаковым для всех высших магистратов) до Августа, как полагает Ф. Дрогула, или уже в период Республики имела место градация данных полномочий, как считает Ф. Вербат (см. вы-

ше), в период принципата разноразноуровневость империя представляется уже очевидной. Сложившееся еще в период Республики понимание консулата как более значимой магистратуры, чем претора, вероятно, было юридической предпосылкой для появления сначала различия в статусах консульского империя и преторского, а затем и проконсульского империя членом императорской семьи и остальных носителей данных полномочий. Разумеется, здесь не всегда возможно отделить фактическое несоответствие статусов от формального. Тем не менее принцепсы и подначальные им члены фамилии использовали сложившееся в это время несоответствие уровней империя для обеспечения за правящей династией всей полноты провинциального командования, которое может рассматриваться как в определенной мере иерархическое. Последнее обстоятельство означает отход от традиций республиканского времени, когда каждый наместник в своей провинции был вполне самостоятелен и равен прочим наместникам.

Литература

1. Межеричкий, Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа / Я. Ю. Межеричкий. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.
2. Giovannini, A. *Consulare imperium* / A. Giovannini. – Basel : Friedrich Reinhardt Verlag, 1983. – ix, 155 p.
3. Vervaeke, F. J. The High Command in the Roman Republic: The Principle of the “*summum imperium auspiciumque*” from 509 to 19 BCE / F. J. Vervaeke. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2014. – 369 p.
4. Drogula, F. K. *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire* / F. K. Drogula. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2015. – x, 422 p.
5. Hurllet, F. Le proconsul et le prince d'Auguste à Dioclétien / F. Hurllet. – Bordeaux : Ausonius, 2006. – 351 p.
6. Sawiński, P. Sukcesja władzy cesarskiej w okresie rządów dynastii julijsko-klaudyjskiej (30 p.n.e. – 68 n.e.) / P. Sawiński. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2016. 257 s.
7. Sawiński, P. Holders of Extraordinary Imperium under Augustus and Tiberius. A Study into the Beginnings of the Principate / P. Sawiński. – Abingdon : Routledge, 2021. – xiv, 152 p.
8. Смышляев, А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата / А. Л. Смышляев // *Jus antiquum. Древнее право.* – 2006. – № 1 (17). – С. 65–72.
9. Wesch-Klein, G. Die Provinzen des Imperium Romanum: Geschichte, Herrschaft, Verwaltung / G. Wesch-Klein. – Darmstadt : WBG Academic, 2016. – 162 S.
10. Millar, F. The Emperor, the Senate and the Provinces / F. Millar // *Journal of Roman Studies.* – 1966. – Vol. 56. – P. 156–166.
11. *Römische Inschriften* / Hrsg. L. von Schumacher – Stuttgart : Stuttgart Reclam, 1988. – 330 S.
12. Rich, J. W. Cassius Dio: The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9) / J. W. Rich. – Warminster : Aris & Phillips, 1990. – xii, 260 p.
13. Eck, W. Das senatus consultum de Cn. Pisone patre / W. Eck, Caballos A.; Fernández F. – München : C. H. Beck'sche Verlag, 1996. – xiv, 329 S.
14. Rich, J. W. Making the Emergency Permanent: Auctoritas, Potestas and the Evolution of the Principate of Augustus / J. W. Rich // *Des réformes augustéennes / édité par Y. Rivière.* – Roma : École française de Rome, 2012. – P. 37–121.
15. Marquardt, J. *Römische Staatsverwaltung* / J. Marquardt. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1873. – iv, 523 S.
16. Sartre, M. L'Orient romain: Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères, 31 avant J.-C.–235 après J.-C. / M. Sartre. – Paris : Seuil, 1991. – 638 p.
17. Ростовцев, М. И. Общество и хозяйство в Римской империи / М. И. Ростовцев : в 2 томах / перевод с немецкого И. П. Стребловой. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – Т.1. – 400 с.
18. Dąbrowa, E. The Governors of Roman Syria from Augustus to Septimius Severus / E. Dąbrowa. – Bonn : R. Habelt Verlag, 1998. – 276 p.
19. Drogula, F. Who Was Watching Whom? A Reassessment of the Conflict Between Germanicus and Piso / F. Drogula // *American Journal of Philology.* – 2015. – Vol. 136. – № 1. – P. 121–153.
20. Eck, W. Das senatus consultum de Cn. Pisone patre / W. Eck., A. Caballos, F. Fernández. – München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1996. – xiv, 329 S.
21. Eck, W. Die Täuschung der Öffentlichkeit: Der Prozess gegen Cnaeus Calpurnius Piso im Jahre 20 n. Chr. / W. Eck. // *Grosse Prozesse der römischen Antike* / Hrsg. U. von Manthe und J. von Ungern-Sternberg. – München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1997. – S. 128–145.
22. Bodel, J. Punishing Piso / J. Bodel // *American Journal of Philology.* – 1999. – Vol. 120, № 1. – P. 43–63.
23. Damon, C. The Trial of Cn. Piso in Tacitus Annals and the Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre: New Light on Narrative Technique / C. Damon // *American Journal of Philology.* – 1999. – Vol. 120, № 1. – P. 143–162.
24. Lebek, W.D. Das senatus consultum de Cn. Pisone patre und Tacitus / W.D. Lebek // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* – 1999. – Bd. 128. – S. 183–211.
25. Парфенов, В. Н. Домициан и его «генералиет» / В. Н. Парфенов // *История: мир прошлого в современном освещении : сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под редакцией А. Ю. Дворниченко.* – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – С. 327–336.

S.V. Telepen

PROVINCIAL COMMAND IN THE EARLY ROMAN EMPIRE AND *DOMUS AUGUSTA*

The article is devoted to the problem of provincial command in the period of the Principate. The article shows the role of the hierarchization of the imperium, which became a means of ensuring the political regime of the Principate. This system was based on the discrepancy between the levels of the imperium, which was given to various categories of governors, as well as members of the imperial family. The author considers the mechanisms of control of the governors by the representatives of the princeps and his representatives, who were the relatives under his patriarchal authority as a rule. It is concluded that the princeps and their subordinate members of the family used the discrepancy between the levels of the empire that developed at that time to ensure that the ruling dynasty had the fullness of the provincial command, which can be considered as hierarchical to a certain extent.

Principate, princeps, empire, province, governor, command.